

— Что, зовёшь меня остановиться? Хочешь сам принять на себя этот удар? — Как только слова Сунь Жунмэй сорвались с её губ, длинный кнут, словно змея, взвился в воздухе и со свистом полетел в сторону. Однако хлопок раздался не по телу Лин Юэ — Мо Чжэньбао поймал плетёную ленту в руку. Мо Чжэньбао дернул её на себя. В обычных обстоятельствах Сунь Жунмэй определённо не удержала бы кнут, но он был под воздействием препарата, и всё тело его было бессильно. То, что он сумел ухватиться и даже потянуть её на несколько шагов вперёд, уже было проявлением силы, ведь препарат, который подсыпала Сунь Жунмэй, был очень мощным.

— Похоже, ты ещё больше него торопишься на смерть, Мо Чжэньбао! — Взгляд, которым Сунь Жунмэй смотрела на Мо Чжэньбао, был полон ярости, в злобном тоне её сквозила густая убийственная аура. Что же это за обида и ненависть, способные вызвать в ней такую ярость? Лин Юэ уже был совершенно уверен в своей догадке.

— Сунь Жунмэй, если ты хочешь спасти своего сына, отпусти всех здесь. Тогда, возможно, у твоего сына ещё останется шанс. — Спокойно и размеренно произнёс Лин Юэ. Взгляд Сунь Жунмэй резко устремился на него, но она ничего не ответила.

— Ты — Сунь Жунмэй, мать Сунь Сяоли, верно? Твоего сына жестоко избили, но это он сам навёл на себя. Однако, пока в нём ещё теплится дыхание, я могу попытаться его вылечить. — Как только Лин Юэ произнёс эти слова, Мо Чжэньбао вспомнил ту историю на ночном рынке. В глазах его что-то мелькнуло, и они потемнели. Он по доброте душевной оставил тому жизнь, а в итоге создал себе такую огромную проблему. Проклятая доброта.

— Ты сможешь вылечить?! Ты сможешь вылечить?! Взгляни на него! Во что его превратили! — Эмоции Сунь Жунмэй мгновенно накалились до предела. Она дернула кнут, вырвав его, и снова ударила им Су Мэйлин, полностью выплёскивая свой гнев.

— Выкатите молодого господина. — Сунь Жунмэй гневно крикнула. Из толпы выкатили инвалидную коляску. Сидящий в ней человек был забинтован как мумия, видны были только два глаза, с ненавистью уставленные вперёд. Когда его взгляд упал на Мо Чжэньбао, эмоции его вдруг обострились — он одновременно боялся и рвался вперёд, чтобы сразиться с ним насмерть. Тело его затряслось так сильно, что он чуть не свалился с коляски. Врач, стоявший сзади, поспешил сделать ему успокоительный укол в уголок глаза. Глаза, полные кровяных прожилок, казалось, готовы были вылезти из орбит, но эмоции понемногу стабилизировались.

Увидев его состояние, Лин Юэ невольно поднял взгляд на Мо Чжэньбао — ударил он действительно жестоко. Мо Чжэньбао, словно почувствовав его взгляд, опустил голову и, поняв, о чём тот думает, с лёгкой усмешкой произнёс:

— В прошлый раз не добил, оставил жизнь по доброте душевной. Похоже, доброта — не всегда благо. — Голос Мо Чжэньбао звучал несколько подавленно. Уголок глаза Лин Юэ дернулся. Будь у него силы, он бы дал ему пощёчину! И ведь даже не задумался, из-за кого всё это!

Хотя нет, кажется, причина была в нём самом... Ладно, что было, то прошло, не стоит цепляться за это. Кхм.

Лин Юэ слегка кашлянул, не желая тратить время с Мо Чжэньбао на пустые разговоры. — У твоего сына ещё есть дыхание, значит, его можно лечить. Отпусти всех здесь, и я вылечу твоего сына.

Лин Юэ не был великомучеником, жертвующим собой ради спасения всех. Он просто не хотел, чтобы совесть его мучила. Угощение от Су Мэйлин могло быть подношением с умыслом, но он его принял. Как говорят, «поел у человека — язык становится мягче». Он должен был спасти

ей жизнь, тем более что в её чреве зарождалась невинная жизнь.

— Все кости переломаны, сосуды сердца порваны, кровоизлияние в мозг, некроз регенерирующих тканей. Сколько врачей я нанимала, сколько сил потратила, чтобы сохранить ему жизнь, но теперь он до конца дней будет таким уродом! И ты говоришь, что сможешь его вылечить! Кто ты такой? Чудо-доктор? Хочешь стать героем! Судя по твоей нежной личине... хотя и внешность обманчива. Что ж, тогда просто: я изобью его до такого же состояния, как моего сына, а ты его полечи. Если вылечишь — поверю, что сможешь вылечить и моего сына.

— Под «ним» Сунь Жунмэй подразумевала Мо Чжэньбао.

Мо Чжэньбао, о котором говорили, оставался совершенно спокоен, но Мо Теган уже не мог этого выносить. Быть доведённым до такого состояния женщиной — какой позор для семьи Мо! Как он теперь будет в своих кругах лицо показывать!

И не только он — несколько присутствующих здесь тоже чувствовали, что полностью потеряли лицо. Хороший был банкет, хоть и скучный, но столько пакостей наплодили, и все они оказались втянутыми понапрасну — с них хватит.

Достали телефоны, чтобы позвать кого-нибудь, но обнаружили, что связи нет. Похоже, эта женщина всё подготовила. Судя по её размаху, она, возможно, планировала покончить здесь со всеми.

— Сможет ли лечение помочь, можно узнать, только попробовав. В конце концов, я всё ещё здесь. Если не вылечу — отдам свою жизнь за его. Жизнь за жизнь — справедливо. — Легко и непринуждённо произнёс Лин Юэ. Брови Мо Чжэньбао сдвинулись, лицо его потемнело.

— Справедливо? Ха-ха-ха-ха... Вы, здешние, разве знаете, что такое справедливость? Когда-то ты! Ради одной женщины убил всю мою семью, истребил весь мой род, но остался безнаказанным — лишь потому, что твоя семья богата! Не пришлось платить жизнью! Справедливость? Хм, в этом мире справедливости не существует! Мо Теган, не буду скрывать, да и вы все, наверное, помните Сунь Синьсана из семьи Сунь? — Когда женщина произнесла имя Сунь Синьсан, у многих в глазах вспыхнуло понимание, лица выразили недоверие.

— Именно так. Я — внучка Сунь Синьсана. Ах, нет, точнее, я — внук Сунь Синьсана. Чтобы выжить, в десять лет я сменил пол и стал женщиной. — Произнесла Сунь Жунмэй почти сквозь стиснутые зубы, глаза её широко раскрылись, не отрываясь от Мо Тегана.

— Мо Теган, ты наверняка хорошо помнишь имя Сунь Синьсан. — Зубы Сунь Жунмэй скрежетали, показывая, какую ярость вызывало в ней это имя.

— Ты — внук того негодяя? Не может быть! Тридцать шесть лет назад все в семье Сунь погибли! — Мо Теган, из последних сил, выпрямился. Его гордость заставляла его держать спину прямо.

— Я должен был умереть, но судьбе было угодно, чтобы я выжил. Роду Сунь было суждено продолжиться. Меня спасли, сменили пол, и я жила жизнью, подобной адским мукам. Лишь повзрослев, я смогла свободно дышать воздухом. Мо Теган, ты когда-то убил всю мою семью, обрёк меня на жизнь, ни людскую, ни призрачную. Сегодня пришло время вернуть этот кровный долг! — Слова, произнесённые сквозь стиснутые зубы, были негромки, но каждый в зале слышал их отчётливо. Молодёжь не знала об этих событиях, но старшее поколение помнило ту кровавую бурю, потрясшую весь город.

Лицо Сунь Жунмэй исказилось до предела.

Тогда Сунь Жунмэй было всего десять лет, но эта кровавая ненависть глубоко врезалась в её сознание, каждую ночь терзая её. Из преисподней протягивались окровавленные руки, напоминая: кровная месть должна быть свершена!

Взгляд Мо Тегана потускнел. Те воспоминания были для него мучительны — не потому, что он жалел об убийстве Сунь Синьсана, а потому, что сожалел, не сделав этого раньше!

Слова Сунь Жунмэй потрясли всех. О тех событиях они знали лишь в общих чертах, но не думали, что Мо Теган мог быть таким жестоким и беспощадным человеком. Ведь Сунь Синьсан в те времена был его самым близким другом.

Мо Теган сжал кулаки так, что ногти впились в ладони, но он не чувствовал боли.

— Ты ошибаешься! Ты вообще не знаешь правды о тех событиях! — Ду Вэйюань, из последних сил, поднялся и встал рядом с Мо Теганом. Холодный пот струился с его лба на пол — видно было, какими мучительными были для него эти усилия.

— Вэйюань, заткнись! — Жестоко оборвал его Мо Теган, бросив на него ледяной взгляд.

— Господин, простите, но я должен сказать. Нельзя позволить вам взвалить на себя эту вину. — Твёрдо произнёс Ду Вэйюань. Пошатываясь, он подошёл вплотную к Сунь Жунмэй и, выговаривая каждое слово, сказал.

<http://bllate.org/book/15602/1392181>